

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-1-158-173

**О.Е. Казьмина, Т.Д. Соловей,
М.Н. Бахматова, О.В. Федорова**

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ:
ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 1897–1937 гг.**

**O.E. Kazmina, T.D. Solovei,
M.N. Bakhmatova, O.V. Fedorova**

**ETHNOCULTURAL IDENTITIES THROUGH
THE LENS OF STATISTICS: RUSSIAN
POPULATION CENSUSES, 1897–1937**

Аннотация. В статье анализируется, как в программах переписей населения, проводившихся на территории России с 1897 по 1937 г., отражалась динамика представлений об основных этнокультурных идентичностях. В России из всех видов культурной идентичности наиболее значимыми были языковая, религиозная и этническая, при этом применительно к разным периодам порядок внутри этого перечня различался, и приоритеты государства по «продвижению» одной или нескольких из них менялись. Переписи населения, проведенные в России в 1897, 1920, 1926 и 1937 гг., ярко выявляют трансформации этой шкалы идентичностей. Особое внимание в статье уделяется проникновению в перепись категории национальной (этнической) идентичности. В Российской империи Нового времени формировался элитарный дискурс, который предлагал различные интерпретации природы этнического (национального): определение русскости через

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kazmina Olga Evgenievna, Doctor in History, Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

Соловей Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solovei Tatiana Dmitrievna, Doctor in History, Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsolovei19@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7453-297X

ее атрибуты — православие и верность престолу; определение русскости (национальности) через культуру; определение русскости через «расу», «породу», «кровь». Но в отношении массы русского народа работала презумпция: русский — значит православный и лояльный престолу (при этом негласно подразумевался и русский язык). В статье показывается, как в Советской России повышалась значимость этнической идентичности, чему способствовали и принятый новой властью принцип национального самоопределения, и введенное административное деление, теснейшим образом привязанное к национальности. Неслучайно, что уже в переписи 1920 г. появляется вопрос об этнической принадлежности — с формулировкой «народность». В переписи 1926 г. она меняется на «национальность». Анализ переписей населения, проведенных с 1897 по 1937 г., показывает, что в России базовыми факторами этнической идентичности, которая официально признавалась не во все периоды этого срока, были язык и религия. Связь языка и этничности выглядит априорной. Связь этничности и религии не столь очевидна, но в условиях гонений на религию она хотя затухала, но сохранялась, однако в структурировании идентичностей (базовая/производная) религия и этничность поменялись местами.

Ключевые слова: переписи населения, родной язык, религия, национальность, этничность, самосознание.

Abstract. The article examines how the programmes of population censuses conducted in Russia between 1897 and 1937 reflected the dynamics of perceptions of major ethnocultural identities. Among the various forms of cultural identity in Russia, the most significant were linguistic, religious, and ethnic. However, the relative importance of these categories shifted across different periods, as state

Бахматова Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент и заместитель заведующего кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bakhmatova Marina Nikolayevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Deputy Head, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

mbakhmatova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0189-3050

Федорова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedorova Olga Viktorovna, Doctor in Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
olga.fedorova@msu.ru

ORCID: 0000-0002-5034-3859

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Center and South of Russia”.

priorities in promoting one or several of them evolved. The censuses of 1897, 1920, 1926, and 1937 vividly reveal transformations in this hierarchy of identities. Special attention is devoted to the incorporation of the category of national (ethnic) identity into census practices. In the Russian Empire of the modern era, an elite discourse emerged that proposed diverse interpretations of the nature of the ethnic (national): defining Russianness through its attributes — Orthodoxy and loyalty to the throne; defining Russianness through culture; and defining Russianness through notions of “race”, “stock”, or “blood”. For the broader Russian population, however, a presumption operated: Russian meant Orthodox and loyal to the throne (with the tacit implication of the Russian language). The study demonstrates that, in Soviet Russia, the significance of ethnic identity increased, facilitated both by the principle of national self-determination adopted by the new regime and by the administrative divisions, which were closely tied to nationality. It is therefore no coincidence that the 1920 census included, for the first time, a question on ethnic affiliation, framed as “narodnost” (“ethnic group”), which in the 1926 census was replaced with the term “nationality”. The analysis of the censuses conducted between 1897 and 1937 shows that the fundamental factors of ethnic identity in Russia — although not officially recognized in every period — were language and religion. The connection between language and ethnicity appears almost self-evident. The link between ethnicity and religion is less straightforward, yet despite the repression of religion it persisted, albeit muted; over time, however, in the structuring of identities (primary/derivative), religion and ethnicity exchanged their positions.

Keywords: population censuses, native language, religion, nationality, ethnicity, self-identification.

* * *

Переписи населения в России конца XIX — первой половины XX в. представляют собой интересную страницу отечественной истории, которая позволяет увидеть, как через призму «сухой» статистики и демографии предстают моментальные снимки российского общества в реперные моменты его существования: на пике развития имперской государственности в 1897 г., в бездне постреволюционного гражданского хаоса в 1920 г., в процессе собирания земель под флагом СССР в 1926 г. и на гребне сталинских репрессий в зловещий для коллективной памяти советского народа 1937 г. Сравнение программ этих переписей помогает выявить преемственности и разрывы в динамике основных этнокультурных идентичностей. За каждой из этих переписей стоит государственная идеология соответствующей эпохи, определенные научные представления и работа тысяч переписчиков, которые преодолевали десятки верст или километров, чтобы по капле собрать демографическое «море» российского народа, состоявшее из многочисленных этнических групп с их языками, верованиями, культурой, социальным бытом,

хозяйством, семейными связями. Порой и респонденты испытывали напряжение, отвечая на, казалось бы, банальные вопросы о национальности, родном языке или религиозной принадлежности. С изменением идеологических парадигм менялась шкала приоритетов в выстраивании компонентов национальной идентичности, что проявлялось и на уровне задаваемых параметров, и на уровне интерпретации полученных результатов.

Как отмечали американские ученые Д. Кертцер и Д. Арель, перепись населения играет важную роль в формировании социальной реальности¹, превращаясь, таким образом, в инструмент для категоризации населения. Сходную мысль еще в советское время высказывали С.И. Брук и В.И. Козлов, подчеркивая, что уже на этапе подготовки многосложного инструментария переписей «группировка этнических и лингвистических наименований, проводимая в них, не только кладется в основу переписей населения, но в какой-то мере предопределяет ее результаты»². В.А. Тишков отмечал, что «процедура переписи способствует формированию воззрений людей на мир как на состоящий из отчетливых групп людей, порождая вслед за этим особое внимание к сторонам социальной жизни, которые до этого не имели <...> официально-статусного значения»³. Категории, установленные переписью, приобретают большое значение в сознании людей, ибо посредством нее государство передает населению свою шкалу ценностей в структуре коллективной культурной идентичности и, следовательно, вносит свой вклад в формирование иерархии различных типов идентичностей. Можно сказать, что посредством переписи государство способствует формированию и упрочению определенных видов идентичности, создавая наиболее предпочтительную категоризацию населения⁴. В России из всех видов культурной идентичности наиболее значимыми в разные периоды были языковая, религиозная и этническая, при этом применительно к разным периодам порядок внутри этого перечня различался, менялись и приоритеты государства по «продвижению» одной или нескольких из них. Переписи населения, проведенные в России в 1897, 1920, 1926 и 1937 гг., ярко выявляют трансформации этой

¹ Kertzer D.I., Arel D. *Censuses, Identity Formation, and Struggle for Political Power // Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* / Ed. by D. Kertzer, D. Arel. Cambridge, 2002. P. 2.

² Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. 1967. № 6. С. 13.

³ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 187.

⁴ Kazmina O. Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 198.

шкалы идентичностей и показывают формирование особенностей современных этнических категоризаций в нашей стране⁵.

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи прошла в 1897 г. Ее нормативно-правовой аспект регулировался Высочайшим Положением о первой всеобщей переписи населения Российской империи от 5 июня 1895 г.⁶ Перепись состоялась на всей территории империи кроме Финляндии. Организацию переписи возглавил известный русский географ и статистик Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Однако научная и общественная подготовка к ней началась гораздо раньше. Среди множества проблем научного и практического характера не последнее место занимал вопрос о базовых демографических и этнографических таксонах, применительно к такому мульти-этническому и поликонфессиональному полю, каковым являлось население России. Одним из ключевых вопросов «долгого», по определению Э. Хобсбаума, XIX века, был вопрос о том, что есть нация и национальность⁷. На Российской почве этот вопрос получал особое звучание по целому ряду причин. Спецификой политической системы нашей страны являлась ее имперская сущность. Кроме того, со времен Петра Великого Россия, вместе с переносом столицы из Москвы в Санкт-Петербург, отошла от унаследованного от византийской модели принципа «симфонии» между светской и церковной властями, свойственной как «Второму», так и «Третьему Риму»⁸, подчинив, как это было характерно для европейского современного государства, религиозную компоненту обслуживанию собственных государственных интересов. Следствием этого стал переход от «симфонии» к противопоставлению этактической (светской по своей сути) и религиозной составляющих имперской политической системы нового типа.

В Российской империи Нового времени, в рамках культурной системы, открывшей принцип национальности, элитарный дискурс предлагал различные интерпретации природы этнического (национального): определение русскости через ее атрибуты — православие

⁵ Соколовский С.В. О принципах этнической категоризации населения во всеобщей переписи 2002 г. // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Сборник статей. Вып. 8. М., 2001. С. 125.

⁶ Высочайше утвержденное 5-го июня 1895 года Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи. СПб., 1895.

⁷ См.: *Hobsbawm E.J.E. The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. New York, 1962; *Idem. The Age of Capital: Europe 1848–1875*. London, 1975; *Idem. The Age of Empire: Europe 1875–1914*. London, 1987; *Idem. Nations and Nationalism since 1780*. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.

⁸ См.: *Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. М., 1998.

и верность престолу; определение русскости (национальности) через культуру; определение русскости через «расу», «породу», «кровь». Но в отношении массы русского народа работала презумпция: русский, значит — православный и лояльный престолу (при этом негласно подразумевался и русский язык).

Первая позиция восходила к славянофильству и теории «официальной народности», определяя русскость прежде всего через ее атрибуты — православие и верность престолу, что подразумевало единственным условием существования русского народа господство православно-монархического сознания. Такая интерпретация русскости была связана с официальным консерватизмом, хотя не совпала с ним. Представители бюрократической версии «национализма» и славянофилы по-разному видели соотношение этнического и религиозного начал. В уваровской триаде конституирующая роль принадлежала «самодержавию», а «православие» и «народность» носили второстепенный и даже вспомогательный характер. «Правительство Николая I стояло на позициях традиционного легитимизма, к национализму обращалось с огромной осторожностью, в случае конфликта между “народностью” и легитимностью всегда делало выбор в пользу легитимистских соображений»⁹. Лишь по недоразумению или в силу традиции эта концепция называется идеологией «официальной народности», с несравненно большим правом она могла бы называться идеологией «официального самодержавия». Тогда как несмотря на заметный религиозно-мистический и мессианский окрас славянофильского мировоззрения, центральное место в нем, тем не менее, занимала именно «народность». Не всегда явно, но весьма последовательно «народность» противопоставлялась «самодержавию», а «православие» было атрибутом (т.е. неотъемлемым свойством) «народности», или, в расширительной трактовке, рядоположной «народности» ценностью¹⁰.

Вторую позицию можно определить как либеральную или, точнее, национал-либеральную. Она увязывала принцип национальности с либеральной моделью. Но и либерализм, по мнению его адептов, «для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным»¹¹. Национальность как таковая определялась принадлежностью к культуре. Духовным вождем этого течения был

⁹ Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого: реферативный сборник / Сост. К.В. Душенко. Вып. 1. М., 1991. С. 41.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Соловей Т.Д.* Славянофильство и «бюрократический национализм» // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 149–162.

¹¹ Цит. по: *Сергеев С.М.* Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003. С. 14.

П.Б. Струве¹², а институциональной опорой этого течения был один из лучших отечественных журналов начала XX в. «Русская мысль» и газета «Утро России».

Третья позиция отражала отголоски европейских идеологических тенденций XIX в. К примеру, в Германии и Италии принцип крови становится важной символической скрепой в условиях политической и территориальной разобщенности, согласно гердеровской диаде «Blut und Boden»¹³ или неогвельфской триаде «кровь–язык–религия» Винченцо Джоберти¹⁴. И если национал-либералы в понимании национальности исходили из безусловного приоритета «почвы», то представители третьей позиции выражали революционный для тогдашней России принцип «крови». В духе либерально-националистических идей того времени наиболее видный представитель биологического детерминизма публицист М.О. Меньшиков писал: «Нация — это когда люди чувствуют себя обладателями страны, ее хозяевами. Но сознавать себя хозяевами могут только граждане, люди обеспеченные в свободе мнения и в праве некоторого закономерного участия в делах страны. Если нет этих основных условий гражданственности, нет и национальности»¹⁵. Но сходство с национал-либерализмом было внешним. Для П.В. Струве главная ценность — благо отдельной личности, для М.О. Меньшикова — благо народа как биологического организма; для первого либеральный строй важен как осуществление принципа равноценности всех людей, для второго — как средство отбора новой аристократии, устанавливающей законы для «ленивого, мечтательного, тупого простого народа»¹⁶; для первого национальность определяется принадлежностью к той или иной культуре, по мнению второго — принадлежностью к той или иной «расе», «крови», «породе»¹⁷.

Таким образом, к двум давнишним линиям русского националистического дискурса — народнической и государственнической — М.О. Меньшиков добавил третью — биологическую, элитистскую, подчеркнута националистическую. Именно поэтому он «неоднократно подчеркивал <...> что для него высшей ценностью в уваровской триаде является ее третий элемент — народность»¹⁸.

¹² Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 29.

¹³ Herder J.G. Ideen zur Philosophie zur Geschichte der Menschheit (1782–1788). Berliner Ausgabe, Berlin 2013 (1. Aufl. 1784–1791). — URL: www.zeno.org/Lesesaal/N/9781482559736?page=2 (дата обращения 20.06.2024)

¹⁴ Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Vol. 1. Losanna, 1845.

¹⁵ Меньшиков М.О. Выше свободы. М., 1998. С. 89.

¹⁶ Цит. по: Сергеев С.М. Указ. соч. С. 15.

¹⁷ Цит. по: там же.

¹⁸ Там же.

Нельзя исключать, что подобного рода подходы лежали в русле течений, развивавшихся в Европе второй половины XIX в. и получивших свое воплощение в работах Гюстава Лебона¹⁹. Излишне говорить, что для традиционалистской Российской империи такие проекции отвергались подавляющим большинством образованного русского общества. Идеи эти не укладывались и в рамки традиционного русского мировоззрения, далекого от мировоззрения простых англичан с их «островной» психологией или сформировавшихся в ходе реконквисты испанцев, явивших западному миру образцы элитарного и эгалитарного, народного расизма, одержимого идеей “*limpieza de sangre*”, — родоначальника европейского расизма. «Самосознание испанского простолюдина, его чувство собственного достоинства, представления о чести и бесчестии были основаны на идее “чистоты крови”»²⁰.

Не вызывает сомнения, что откровенно выраженные идеи расовой и этнической исключительности, а тем более их пропаганда или попытка осуществления представляли угрозу самим основам евразийской континентальной империи. Ведь исторически Российская империя, как и ее символические предшественницы, не стремилась к культурной и этнической гомогенности, поддерживая этническое и конфессиональное разнообразие. Одним из ключевых элементов имперской стратегии являлось включение иноэтнической верхушки в имперскую элиту, что создавало эффективную систему управления гетерогенным пространством России. Но в отношении массы русского народа работала презумпция: русский — значит, русскоязычный, православный, лояльный престолу. Русскость определялась сочетанием двух признаков: русский язык и православие. Крещенные инородцы в большинстве своем оставались инородцами (если только это не представители элиты, ассимилированные в русский язык и русскую культуру), они не утрачивали своих языков. Библия и богослужебные книги переводились миссионерами на языки крещенных ими народов.

Этот мировоззренческий фон повлиял и на выработку критерия этнокультурного блока всеобщей переписи 1897 г. Главными видами культурных идентичностей виделись язык и вероисповедание. Специфического вопроса об этнической принадлежности (народности, в категориях того времени) в этой переписи не было, хотя в период подготовки к переписи эта тема обсуждалась. Как уже упомина-

¹⁹ *Le Bon G.* Psychologie des foules. Alcan, 1895.

²⁰ Юрчик Е.Э. Представление о нации и национальное сознание в Испании. XVI — начало XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С. 238.

лось, проведение первой всеобщей российской переписи населения предваряла большая подготовительная работа, в частности участие России в международных статистических конгрессах. На одном из этих конгрессов, в 1872 г. в Петербурге, была поставлена проблема о соотношении между этнической принадлежностью и родным языком. Участники конгресса впервые обратили внимание на то, что эти показатели могут различаться, и рекомендовали определять этническую принадлежность по самосознанию опрашиваемых. Однако предпочтение в переписи было отдано родному языку из-за существовавшего тогда представления, что этническое самосознание — явление производное и складывается из двух факторов: родного языка и вероисповедания. В предварительной версии переписи, изданной Н. Тройницким в 1905 г., имеются две типологии вопросов, связанных с языком: первый блок «Население по преобладающим народностям на основании родного языка» и четвертый блок «Русское население по трем отдельным наречиям и грамотности», причем в состав русского населения включены великорусы, малороссы и белорусы²¹.

По поводу включения в перепись населения 1897 г. вопроса о религии дебатов не было, поскольку религиозная принадлежность считалась одним из важнейших факторов культурной идентичности. Переписные данные о религиозной принадлежности отличаются довольно большой подробностью. В опубликованных материалах выделено 15 групп. Самую большую группу — 69,4 %²², естественно, составили православные (в их состав были включены и единоверцы — ветвь старообрядцев-поповцев, признавших юрисдикцию официальной церкви). Характерно, что ответ «неверующий» (или аналогичный по смыслу) переписью даже не предусматривался: каждый должен был отнести себя к той или иной конфессии. Это позволяет сделать заключение, что целью переписи было выяснение не личной мировоззренческой позиции жителей страны, а именно религиозной идентичности — составной части более широкой культурной идентичности. Восприятию религии прежде всего как коллективной культурной идентичности способствовало и российское законодательство того времени, которое «привязывало» всех к своей «исконной» вере при господствующем положении православной церкви, в которую вход был открыт. Предполагалось, что каждый

²¹ Тройницкий Н.А. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905. С. 20–23.

²² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи. Т. 1. СПб., 1905. С XV.

человек остается в вере, в которой был рожден и которую исповедовали его предки («все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих»), существовал жесткий порядок перехода из одной конфессии в другую²³. Переходы из православия в другое вероисповедание не допускались, переходы из одной неправославной конфессии в другую жестко регламентировались²⁴. В 1883 г. был дарован ряд гражданских и религиозных прав староверам («раскольникам»). Это представляется тем более важным, что русское старообрядчество воплотило этническую оппозицию имперской власти, являя собой низовую русскую национальную версию мессианизма, параллельную принципиально надэтническому мессианизму верхов²⁵.

Главным является то, что законодательство (а вслед за ним и перепись) не оставляло возможности не принадлежать ни к какому исповеданию, превращая религиозную принадлежность прежде всего в фактор культурной идентичности. А представление о религии как о части культурной традиции способствовало переплетению религиозной и этнической идентичности. Большинство российского населения было тесно связано со своей «исторической верой», что зачастую делало такую веру источником как религиозной, так и этнической идентичности.

Особенность этнодемографической ситуации на рубеже XIX–XX вв. заключалась еще и в том, что русские не являлись демографическим большинством: по материалам переписи 1897 г. чуть более 44 % назвали родным языком русский. Мир переживал глобальный сдвиг, связанный со сменой культурной системы. Примечательно также, что в переписи 1897 г. отсутствовал и вопрос о принадлежности к государству. Как отмечал В.А. Тишков, «в российской переписи 1897 г. вопрос о гражданстве отсутствовал, ибо все жители страны и так считались подданными российского императора и никакой дополнительной легитимности для определения населения страны не требовалось»²⁶.

Революция 1905–1907 гг., провозглашавшая личную свободу совести, открывала путь к существенным изменениям в религиозной сфере. Высочайший указ Сенату «Об устранении стеснений в обла-

²³ Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. 2009. № 2. С. 77–79.

²⁴ Подробнее об этом см.: Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М., 2009. С. 211–213.

²⁵ Подробнее об этом см.: Соловей Т.Д. Старообрядчество: новый взгляд // Свободная мысль. 2008. № 7. С. 111–122.

²⁶ Тишков В.А. Указ. соч. С. 193.

сти религии и укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) впервые внес «существенные коррективы в соотношение между приоритетами государственно-церковными и частными, сократив часть статей, защищавших исключительные права Православия на сохранение неприкосновенности его конфессиональных границ. Лица, формально числившиеся православными, получили легальную возможность покинуть господствующую Церковь без ущерба для своих гражданских прав»²⁷. А в ходе общественных обсуждений 1908–1913 гг. в связи с подготовкой очередной всеобщей переписи (так и не состоявшейся из-за начавшейся Первой мировой войны) все чаще звучали предложения о необходимости регистрировать национальность напрямую²⁸.

Для имперской администрации, которая испытывала нарастающий страх перед растворением «русского племени», боялась политической мобилизации на национальной почве, фиксация национальности в форме прямого вопроса была категорически неприемлема. Однако появление новой социально-политической категории — национальность (этничность), ее институционализация и территориализация были лишь делом времени.

Следующая перепись населения прошла в 1920 г., т.е. уже в советское время, причем практически сразу после установления советской власти, когда в стране еще бушевала гражданская война. От переписи 1897 г. ее отделяло 23 года. Но плотность исторических событий была высочайшей. За это время разразилась Первая мировая война и разрушилась Российская империя. Более 7 млн человек пали на фронтах с 1914 по 1918 г. Всероссийскую перепись 1920 г. можно считать всеобщей с определенными оговорками, так как она не охватила некоторые окраинные территории России, в которых продолжались боевые действия. Однако, несмотря на эти объективные трудности, советское государство придавало очень большое значение категоризации населения и переписному учету, становление которого шло параллельно со становлением государства. Этим можно объяснить, почему перепись провели уже в 1920 г.

Изначальный макет переписного листа содержал вопрос о религиозной принадлежности (видимо, по инерции). Однако по личному настоянию В.И. Ленина из окончательной программы этот вопрос был исключен, что, впрочем, не удивительно. После Октябрьской революции 1917 г., возведшей атеизм в ранг государственной поли-

²⁷ Бендин А.Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // Исторические записки. Вып. 9 (127) / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2006. С. 113–136.

²⁸ См.: Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 112.

тики, религиозные верования стали рассматриваться как пережиток, а религиозная идентичность, по меньшей мере, официально, отодвигалась на задний план. Напротив, более значимой стала считаться идентичность этническая. Этому, в частности, способствовал принятый новой властью принцип национального самоопределения. Административное деление, введенное при советской власти, было теснейшим образом привязано к национальности, что также должно было усиливать этническую идентичность. Автономные республики и автономные округа были названы по этнонимам живших на их территории групп, хотя далеко не всегда титульные национальности составляли там большинство населения. Российская перепись 1920 г. стала одной из первых в мире, содержавших вопрос об этнической принадлежности (народности), раньше этот вопрос появился лишь в переписи населения Латвии, прошедшей за два месяца до российской. Таким образом, закреплялась важность этнической идентичности: с тех пор во всех советских переписях в той или иной форме ставился вопрос о национальности (в смысле этнической принадлежности, определявшейся по самосознанию опрашиваемых). При этом сохранялся и вопрос о родном языке, а начиная с переписи 1970 г. добавился вопрос о знании второго языка. Появляется в переписи 1920 г. и вопрос о гражданстве.

Вторая советская — она же первая всесоюзная — перепись населения состоялась в 1926 г. Подготовкой к переписи занималась КИПС (Комиссия по изучению племенного состава СССР). Руководителем ее подкомиссии по переписи был Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский, сын руководившего переписью 1897 г. П.П. Семенова-Тян-Шанского, что говорит об определенной преемственности между этими переписями. Перепись 1926 г. дала самые подробные сведения об этническом составе населения страны. Расплывчатое понятие «народность», фигурировавшее в переписи 1920 г., было заменено на «национальность». Для определения этой новой категории был выработан детальный метод выявления национальной принадлежности. Был составлен список национальностей, который включал 199 наименований — самый большой список из всех советских переписей. Разработчики переписи 1926 г. осознавали, что вопрос о «национальности» может вызвать затруднения у части респондентов. Поэтому В.П. Семенов-Тян-Шанский подготовил список из пяти вопросов, которые в подобных случаях переписчики должны были задавать в качестве наводящих. «Переписчику рекомендовалось узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в “котором он родился”, вероисповедание во время опроса, язык детства, язык домашне-

го общения, владение русским языком»²⁹. Эта «шпаргалка» говорит о признании связи «язык–этничность» и «религия–этничность» и фактически определяет язык и религию важнейшими компонентами этнической идентичности.

Переписи 1926 г. удалось достичь желаемого результата и подробно (как никакая другая советская перепись) выяснить этнический состав населения. Несмотря на некоторое число неточностей (когда, например, выделялись в качестве самостоятельных несколько групп одного и того же народа, имевших разные самоназвания), она в меньшей степени была подвержена влиянию идеологического фактора, характерного для последующих переписей, в которых, в соответствии с национальной политикой, ставилась цель объединить различные группы в более крупные этнические общности (бесермяне включались в состав удмуртов, кряшены и нагайбаки — в состав татар, сойоты — в состав бурят и т.п.). Не случайно именно в переписи 1926 г. произошло сужение понятия «русскости» до этнической категории, а переписчикам нужно было уточнять у тех, кто назвался «русским», не является ли он «малороссом» или «белорусом».

Следующая перепись населения прошла в 1937 г. Это была единственная советская перепись, в которой выяснялась религиозная принадлежность населения. Программа переписи включала два вопроса о религии. Опрашиваемый должен был сказать, верующий он или неверующий, а верующим также надо было указать свою конфессию. Религиозная принадлежность в переписи 1937 г. трактовалась как «теперешние собственные убеждения опрашиваемого»³⁰. Вопросы о религии адресовались лишь лицам старше шестнадцати лет. При формулировке этих вопросов явно стремились исключить понимание религиозной принадлежности как культурно-исторической идентичности, тесно связанной с этнической идентичностью. Опрашиваемых просили сказать об их личной вере, а не об отнесении себя к той или иной конфессии в силу культурно-исторической традиции. Целью включения вопроса о религии в перепись было «показать действительные размеры наших успехов в преодолении религиозных предрассудков»³¹, и эта цель не могла быть достигнута без разрыва связи между религией и этничностью. Понятно, что при подобной постановке вопроса многие просто боялись назвать себя верующими в атеистическом государстве и опасались репрес-

²⁹ Тишков В.А. Указ. соч. С. 192–193.

³⁰ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М., 1994. С. 312.

³¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Материалы для докладчиков. М., 1936. С.11–12.

сий за подобный ответ. Тем не менее, по результатам переписи, более половины взрослого населения заявило о своей религиозной вере, в том числе 42,3 % назвали себя православными. Очевидно, взаимосвязь религиозной и этнической идентичности способствовала поддержанию религиозности на весьма высоком уровне. Хотя весьма значительная часть взрослых граждан СССР назвали себя неверующими, руководители страны все же посчитали, что перепись показала слишком большой процент верующих. Это стало одной из причин, по которым перепись была объявлена дефектной, ее результаты были забракованы, а лица, руководившие ее разработкой и проведением, были объявлены «врагами народа» и репрессированы³². Результаты переписи 1937 г. вплоть до начала 1990-х гг. оставались засекреченными. После переписи был подвергнут «чистке» и «Союз воинствующих безбожников», инициировавший включение вопроса о религии в перепись и проваливший свой собственный принятый в 1932 г. пятилетний план по искоренению религии в стране. Для сравнения вспомним, что после проведения переписи 1897 г., тоже не совсем отвечавшей возложенным на нее ожиданиям, ее организаторы и активные участники были награждены особой медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения». В качестве послесловия добавим, что в 1939 г. была проведена новая перепись. Вопрос о религии из нее уже был исключен, а ее результаты так и не были опубликованы.

Анализ переписей, проведенных на протяжении сорока лет, отделявших перепись 1897 г. от переписи 1937 г., показывает, что базовыми факторами этнической идентичности, которая официально признавалась не во все периоды этого срока, были язык и религия. Связь языка и этничности выглядит априорной. Связь этничности и религии очевидна, но в условиях гонений на религию она заглушевывалась, тем не менее сохранялась, однако в структурировании идентичностей религия и этничность поменялись местами. В отличие от XIX в., когда религиозная идентичность была базовой, а этническая идентичность производной, в советское время этническая идентичность становится базовой, а религиозная производной. Но эта связь оказалась столь прочной, что ее не смогла разорвать политика и идеология атеизма. В постсоветских социологических исследованиях на вопрос «Какая Ваша религия?» часто встречались такие ответы «Я русский, значит, православный», «Я башкир, значит, мусульманин», «Я тувинец, значит, буддист» и т.п.

³² Другая же (и главная) причина такой печальной судьбы этой переписи заключалась в том, что показанная ею численность населения СССР сильно разошлась с официальными оценками, озвученными до ее проведения И.В. Сталиным.

References

Baturkin A. *Veroispovednaya politika Rossiiskoy imperii vo vtoroy polovine XIX v.* [Confessional Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century] // *Vlast'*. 2009. N 2. P. 77–79.

Bendin A.Yu. *Evolutsiya ponyatiya veroterpimosti i Ukaz 17 aprelya 1905 g.* [The Evolution of the Concept of Religious Tolerance and the Decree of April 17, 1905] // *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 9 (127) / Ed. by B.V. Anan'ich. Moscow: Nauka, 2006. P. 113–136.

Bruk S.I., Kozlov V.I. *Etnograficheskaya nauka i perepis' naseleniya 1970 g.* [Ethnographic Science and the 1970 Population Census] // *Sovetskaya etnografiya*. 1967. N 6. P. 3–20.

Cadiot J. *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1860–1940* [Laboratory of Empire: Russia/USSR, 1860–1940] / Trans. from fr. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 336 p.

Hobsbawm E.J.E. *The Age of Capital, 1848–1875*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1975. 354 p.

Hobsbawm E.J.E. *The Age of Empire, 1875–1914*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1987. 404 p.

Hobsbawm E.J.E. *The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. New York: Mentor Book, 1962. 361 p.

Hobsbawm E.J.E. *Nations and Nationalism since 1780*. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 191 p.

Kazmina O. Religion in the Structure of Cultural Identities in Russia // *Sibirskiyeh istoricheskiye issledovaniya*. 2019. № 4. C. 197–204.

Kazmina O.E. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v Rossii: etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema* [The Russian Orthodox Church and the New Religious Situation in Russia: The Ethno-Confessional Dimension of the Problem]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2009. 304 p.

Kertzer D.I., Arel D. *Censuses, Identity Formation, and Struggle for Political Power // Census and Identity. The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* / Ed. by D. Kertzer, D. Arel. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–42.

Narodonaseleniye. Entsiklopedicheskiy slovar' [Population: Encyclopedic Dictionary] / Ed. by G.G. Melik'yan. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 1994. 640 p.

Sergeyev S.M. *Russkiy natsionalizm i imperializm nachala XX veka* [Russian Nationalism and Imperialism in the Early 20th Century] // *Natsiya i imperiya v russkoy mysli nachala XX veka* [Nation and Empire in Russian Thought in the Early 20th Century]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Skimen", 2004. P. 324–335.

Sinit'syna N.V. *Tretiy Rim: istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome: Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th and 16th Centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 410 p.

Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaya i liberal'naya utopiya v rabotakh Andzheya Valitskogo: referativnyi sbornik [Slavophilism and Westernism: Conservative and Liberal Utopia in the Works of Andrzej Walicki: Abstract Collection] / Comp. by K.V. Dushenko. Vol. 1. Moscow: INION, 1991. 192 p.

Sokolovskiy S.V. *O printsipakh etnicheskoy kategorizatsii naseleniya vo Vserossiyskoy perepisi 2002 g.* [On the Principles of Ethnic Categorization in the 2002

All-Russian Census] // *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethnomethodology: Issues, Approaches, Concepts]. Vol. 8. Collection of Articles. Moscow: [s. n.], 2001. P. 110–133.

Solovey T.D. *Slavyanofil'stvo i "byurokraticheskiy natsionalizm"* [Slavophilism and "Bureaucratic Nationalism"] // *Svobodnaya mysl'*. 2008. N 11. P. 149–162.

Solovey T.D. *Staroobryadchestvo: novyy vzglyad* [Old Belief: A New Perspective] // *Svobodnaya mysl'*. 2008. N 7. P. 111–122.

Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p.

Yurchik E.E. *Predstavleniye o natsii i natsional'noye soznaniye v Ispanii. XVI — nachalo XIX v.* [Conceptions of Nation and National Consciousness in Spain, from the 16th through the Early 19th Centuries] // *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoye vremya* [The National Idea in Western Europe in the Modern Era] / Ed. by V.S. Bondarchuk. Moscow: Zertsalo-M, 2005. P. 231–287.

Поступила в редакцию
1 октября 2024 г.